

ЧЕРЕПЬ.

(Посланіе къ Д.)

Прими сей черепъ, Д*, онъ
Принадлежишь тебѣ по праву.
Тебѣ повѣдаю, Баронъ,
Его гошическую славу.

Почтенный черепъ сей неразъ
Парами Вакха нагрѣвался;
Лишовскій мечъ въ недоброй часъ
По немъ со звономъ ударялся;
Сквозь эпу косишь не проходилъ
Лучъ живошворный Аполона;
Ну словомъ, черепъ сей хранилъ
Тяжеловѣсный мозгъ Барона.

Барона Д.* Баронъ

Конечно былъ охотникъ славный,

Наздникъ, чаши другъ исправный,

Гроза васаловъ и ихъ женъ.

Мой другъ, шаковъ былъ вѣкъ суровый,

И предокъ швой крѣпкоголовый

Смушился бѣ рыцарской душой,

Когда бѣ шебя передъ собой

Увидѣлъ безъ одежды бранной,

Съ главою, миршами вѣчанной,

Въ очахъ и съ лирой золошой.

Покойникомъ въ церковной книгѣ

Ужъ былъ давно записанъ онъ,

И съ предками своими въ Ригѣ

Вкушалъ непробудимый сонъ.

Баронъ въ обители печальной

Доволенъ впрочемъ былъ судьбой,

Пастора леснью погребальной,

Гербомъ гробницы феодальной

И эпитафией плохой.

Но въ наши безпокойны годы

Покойникамъ покоя нѣтъ.

Космашный баловень природы,

И машемашикъ, и поэтъ,

Буянъ задумчивый и важный,

Хирургъ, юристъ, физиологъ,
 Идеологъ и филологъ,
 Короче вамъ — студентъ присяжный
 Съ вишою пробкою въ зубахъ,
 Въ плащѣ, съ дубиной и въ усахъ
 Явился въ Ригѣ. Тамъ спѣсиво
 Въ праксирахъ спалъ онъ пѣнишь пиво,
 Въ дыму табачныхъ облаковъ;
 Бродилъ надъ берегами моря,
 Мечпашъ объ Лопхенъ или съ гора
 Спихи пишетъ, да бишь Жидовъ.
 Студентъ подъ лѣспницею праксира
 Въ каморкѣ темной жилъ одинъ:
 Тамъ, въ видѣ зеркаль и карпинтъ,
 Корошкій плащъ, карпузь, рапира
 Висѣли на спѣнѣ рядкомъ.
 Полуизмаранный альбомъ,
 Творенья Фихше и Пашона,
 Да два воспочныхъ лексикона,
 Подъ паушиною въ углу
 Лежали грудой на полу, —
 Предметъ заняшій разнородныхъ
 Ученого, да крысъ голодныхъ,
 Мы знаемъ: роскоши пустой
 Почпенный мыслишель не ищетъ; паду
 Смѣясь надъ глупой, суепою,
 Въ чуланѣ онъ безпечно свещишь

Умѣренность, вѣщаль мудрость,
Сердце высокихъ оппечашокъ,
Спуденнѣе однакожь наконецъ
Замѣшилъ важный недоспашокъ
Въ своемъ быту: ему предметъ
Необходимый былъ скелешъ,
Предметъ, философамъ любезный,
Предметъ пріятный и полезный
Для глазъ и сердца, слова нѣтъ;
Но гдѣ доспанешъ онъ скелешъ?
Вошъ онъ однажды въ воскресенье
Сошелся съ кисперомъ градскимъ,
И пошчасъ взявъ въ соображенъ
Его характеръ и служенъ,
Рѣшилъ подружиться съ нимъ.
За кружкой пива, мой мечпанель
Опкрылся кисперу душой
И говоритъ: не лзяль, пріятель,
Тебѣ досужною порой
Свеспи меня въ подвалъ могильный,
Коспиями праздыми обильный
И между шѣмъ, одинъ скелешъ
Помочь мнѣ вынеспи на свѣшъ?
Клянусь шебѣ Айдескимъ богомъ:
Онъ будешъ дружбы мнѣ залогомъ
И до моихъ послѣднихъ дней
Красой обипели моей.

Смутился кисперъ изумленный.

« Чшо за желанье? чшо за спросъ? »

Ишши въ подвалъ уединенный,

Вспревожипь мершвыхъ сонмъ поученный

И одного изъ нихъ укрась!

И кто-же?... Онъ, гробовъ хранишель!

Чшо скажупь мершвые пошомъ? »

Но пиво, спраха усыпипель

И гнѣвной совѣспи смиришель,

Сомнѣнья разрѣшило въ немъ.

Ну, пакъ и бышь! Даешъ онъ слово,

Чшо къ ночи будешъ все гошово

И другу назначашъ часъ.

Они распались.

День угасъ;

Наспала ночь. Плащемъ покрытый,

Споипь герой нашъ знамениый

У галереи гробовой,

И съ нимъ прескупный кисперъ мой,

Держа въ рукъ фанаръ разбиый,

Гошовъ на подвигъ роковой.

И вошь визжипь замокъ заржавый,

Визжипь предапельская дверь —

И сходашъ вишязи шеперь

Во мракъ подвала величавый;

Сіаньемъ пощипь фанаря

Глухіе своды озаря,

Идушь — и эхо гробовое
 Смущенное въ своемъ покоѣ,
 Просяжно вшоришь звукъ шаговъ.
 Предъ ними длинный рядъ гробовъ ;
 Вездѣ щипы, гербы, короны ;
 Въ щеславномъ пѣльни кругомъ
 Почіюшь непробуднымъ сномъ
 Высокородные Бароны....

Я бы никакъ не осмѣлился оста-
 вить риѣмы въ эту поэтическую ми-
 нушу, если бы швой прадѣдъ, коего
 гробъ попался подъ руку студенша,
 вздумалъ за себя вспушиться, ухващя
 его за ворошь, или погрозивъ ему кося-
 нымъ кулакомъ, или какъ нибудь иначе
 оказавъ свое неудовольствіе ; къ несча-
 сщю, похищенье совершилось благопо-
 luckily. Сшуденшь по часнямъ разобралъ
 всего Барона, и набиль карманы ко-
 ссями его. Возвращаясь домой, онъ
 очень искусно связалъ ихъ проволокою,
 и такимъ образомъ сосшавиль себѣ

скелеть очень порядочный. Но вскорѣ молва о перенесеніи Бароновыхъ костей изъ погреба въ пракширный чуланъ, разнеслась по городу. Пресупный кистеръ лишился мѣша, а студентъ принужденъ былъ бѣжать изъ Риги, и какъ обстоятельства не позволяли ему браться съ собою будущаго, по разобравъ оныя Барона, раздарилъ онъ его своимъ друзьямъ. Большая часть высокородныхъ костей досталась аптекарю. Мой пріятель В. получилъ въ подарокъ черепъ и держалъ въ немъ шабакъ. Онъ разказалъ мнѣ его исторію, и зная, сколько я себя люблю, уступилъ мнѣ черепъ одного изъ шѣхъ, кошорымъ обязанъ я своимъ существованіемъ.

Прими жъ сей черепъ, Д*, онъ
 Принадлежитъ тебѣ по праву.
 Обдѣлай ты его, Баронъ,
 Въ благоприсойную оправу.

Издѣлке гроба преврати

Въ увеселительную чашу,

Виномъ кипящимъ осваши,

Да запивай уху да кашу.

Пивцу Корсара подражай

И Скандинавовъ рай воинской

Въ пирахъ домашнихъ воскрешай;

Или какъ Гамлетъ-Барапынской

Надъ нимъ задумчиво мечнай:

О жизни мерный проповѣдникъ,

Виномъ ли полный иль пусшой,

Для мудреца, какъ собесѣдникъ,

Онъ споишь головы живой.

Я.

К О Н Е Ц Ъ .

Принимай сей черепъ, Д*, онъ
Привлекать тебя по праву.
Одвѣдай нынѣ его, Баронъ,
Въ блаженствѣхъ твоихъ.